

РЕКВИЕМ

1935 – 1940

Не! Не бях под чужди небосводи,
нито покрив чужд нарекох свой –
с него бях тогава, със народа,
там, където бе за жалост той.²

1961

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЕ

В страшните години на ежовщината³ прекарах седемнадесет месеца по опашки пред затвора. Веднъж някой случайно ме „разпозна“. Тогава застаналата зад мен жена с посинели устни, която, разбира се, никога не бе чувала името ми, се отърси от свойственото за всички ни вцепенение и пошепна на ухото ми (там всички шепнеха):

– А това можете ли да го опишете?

И аз казах:

– Мога.

Тогава нещо подобно на усмивка се плъзна по онова, което някога е било нейно лице.

*1 април 1957 година
Ленинград*

² В българското издание този текст не е даден като мото, а е поставен след частта, озаглавена *Вместо предисловие*. Освен това е разширен с още осем стиха, които тук съкращаваме, тъй като се ръководим от руския оригинал. – Б. ред.

³ Ежовщина – понятие, с което се означава периодът 1937 – 1938 година, когато Николай Ежов – ръководителят на НКВД, провежда по заповед на Сталин масови арести, изтезания и убийства на заподозрени (основателно или не) в политически шпионаж. Жертвите на тази репресивна политика на тоталитарния режим са били около милион и половина души, повечето от които са били екзекутирани. Сред тях има и обикновени хора, и видни представители на науката и изкуството. – Б. ред.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Перед этим горем гнутся горы,
 Не течет великая река,
 Но крепки тюремные затворы,
 А за ними «каторжные норы»
 И смертельная тоска.
 Для кого-то веет ветер свежий,
 Для кого-то нежится закат –
 Мы не знаем, мы повсюду те же,
 Слышим лишь ключей постылый скрежет
 Да шаги тяжелые солдат.
 Подымались как к обедне ранней.
 По столице одичалой шли,
 Там встречались, мертвых бездыханней,
 Солнце ниже и Нева туманней,
 А надежда все поет вдали.
 Приговор... И сразу слезы хлынут,
 Ото всех уже отделена,
 Словно с болью жизнь из сердца вынут,
 Словно грубо навзничь опрокинут,
 Но идет... Шатается... Одна...
 Где теперь невольные подруги
 Двух моих осатанелых лет?
 Что им чудится в сибирской вьюге,
 Что мерещится им в лунном круге?
 Им я шлю прощальный мой привет.

Март 1940 г.

ВСТУПЛЕНИЕ

Это было, когда улыбался
 Только мертвый, спокойствию рад.
 И ненужным привеском болтался
 Возле тюрем своих Ленинград.
 И когда, обезумев от муки,
 Шли уже осужденных полки,
 И короткую песню разлуки
 Паровозные пели гудки.

ПОСВЕЩЕНИЕ

Планини пред тази мъка рухvat,
 не тече великата река,
 тя тъмничните стени не срутva,
 „дупките каторжни“ не продухва
 тя от смъртната тъга.
 Ведър вятър някого прегръща,
 залези за някого горят –
 ние сме си все едни и същи:
 чуваме вратите как се тръшvat
 и войнишки стъпки как ехтят.
 Като че за утрenna тогава
 тръгвахме в града, обзет от бяс,
 полумъртъв всеки там застава –
 слънцето мъглите Невски давят,
 но надежда все надига глас...
 И – присъдата... Сълзите пръсват,
 между теб и другите – стена.
 Сякаш в миг сърцето ти откъсват,
 сякаш грубо по очи те блъсват,
 но вървиш... Залитайки... Сама.
 С тях – другарки мои по неволя –
 две години сатанински бях...
 Где са днес и за какво се молят
 под сибирската луна отколе?
 Моят зов прощален е за тях.

Март 1940

ВСТЪПЛЕНИЕ

Бе, когато си спеше със сладък
 само мъртвият в душната смрад.
 И когато ненужен придатък
 към затворите бе Ленинград.
 И когато потъваха цели
 върволици осъдени в мрак,
 и оплакваха тези раздели
 с кратки писъци влак подир влак.

Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марушь.

I

Уводили тебя на рассвете,
За тобой, как на выносе, шла,
В темной горнице плакали дети,
У божницы свеча оплыла.
На губах твоих холод иконки.
Смертный пот на челе... Не забыть!
Буду я, как стрелецкие женки,
Под кремлевскими башнями выть.

*[Ноябрь] 1935 г.
Москва*

II

Тихо льется тихий Дон,
Желтый месяц входит в дом.

Входит в шапке набекрень.
Видит желтый месяц тень.

Эта женщина больна,
Эта женщина одна.

Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.

1938

От звезда смъртоносна огряна
 как Русия се сгърчи, смали –
 сред ботуши в кървава пяна
 и кръстосващи нощни коли.

I

Призори те дойдоха за тебе.
 След ковчег сякаш – тръгнах и аз.
 Нечий плач прозвуча непотребен,
 а свещта се изплака без глас.
 Хлад иконен на устните детски,
 смъртна пот... „Не забравяй ни час!“ –
 тъй са вили жените стрелецки⁴
 там, пред Кремъл, тъй вия и аз.

*1935. Есента.
 Москва*

II

Тихо тих се лее Дон,
 месец влиза в този дом.

Влиза, шапка накривил,
 вижда – сянка е смутил.

Туй е сянка на жена,
 тя е болна и сама,

син и мъж – затвор и тлен,
 помолете се за мен.

⁴ Стрелецкият бунт от 1682 г., чиято цел е да сложи на престола София – по-голямата сестра на Петър I, завършва с неуспех и с хиляди арести, жестоки наказания и езекуции. В него вземат основно участие полковете на стрелците, откъдето идва и названието на това историческо събитие. – Б. ред.

III

Нет, это не я, это кто-то другой страдает.
 Я бы так не могла, а то, что случилось,
 Пусть черные сукна покроют,
 И пусть унесут фонари...
 Ночь.

IV

Показать бы тебе, насмешнице
 И любимице всех друзей,
 Царскосельской веселой грешнице,
 Что случилось с жизнью твоей –
 Как трехсотая, с передачею,
 Под Крестами будешь стоять
 И своей слезою горячею
 Новогодний лед прожигать.
 Там тюремный тополь качается,
 И ни звука – а сколько там
 Неповинных жизней кончается...

1938

V

Семнадцать месяцев кричу,
 Зову тебя домой,
 Кидалась в ноги палачу,
 Ты сын и ужас мой.
 Все перепуталось навек,
 И мне не разобрать
 Теперь, кто зверь, кто человек,
 И долго ль казни ждать.
 И только пышные цветы,
 И звон кадилыйный, и следы
 Куда-то в никуда.
 И прямо мне в глаза глядит
 И скорой гибелью грозит
 Огромная звезда.

1939

III

Не, не съм аз, някой друг вместо мен страда.
 Аз не бих могла тъй, а каквото се случи,
 нека с черно сукно го покроят,
 и лампите да изнесат...
 Нощ.

IV

Ах, да знаеше ти, обеснице,
 ти, любимке на всички, ти,
 царскоселска весела грешнице,
 как животът ще те върти –
 как тристотна в опашката, с вещите,
 пред затворите ще стоиш,
 как със сълзите си, горещите,
 лед по Коледа ще топиш.
 Как тополата ще се поклаща –
 нито звук, а колко ли там
 със живота невинни ще плащат...

1938

V

И седемнайсти месец аз
 живея без покой,
 оплаквам пред палача с глас
 теб, син и ужас мой.
 Обърка се светът навек.
 И как да разбереш
 кой звяр е днес и кой – човек,
 и как ли ще умреш.
 И само в пищните цветя
 звън на кадилница пропя
 и литна без следа.
 И свети право в мойта гръд,
 и ме заплашва с близка смърт
 огромната звезда.

VI

Легкие летят недели,
 Что случилось, не пойму.
 Как тебе, сынок, в тюрьму
 Ночи белые глядели,
 Как они опять глядят
 Ястребиным жарким оком,
 О твоём кресте высоком
 И о смерти говорят.

Весна 1939 г.

VII

Приговор

И упало каменное слово
 На мою еще живую грудь.
 Ничего, ведь я была готова,
 Справлюсь с этим как-нибудь.

У меня сегодня много дела:
 Надо память до конца убить,
 Надо, чтоб душа окаменела,
 Надо снова научиться жить.

А не то... Горячий шелест лета
 Словно праздник за моим окном.
 Я давно предчувствовала этот
 Светлый день и опустелый дом.

*[22 июнь] 1939 г.
 Фонтанный Дом*

VIII

К смерти

Ты все равно придешь – зачем же не теперь?
 Я жду тебя – мне очень трудно.
 Я потушила свет и отворила дверь
 Тебе, такой простой и чудной.

VI

Бързат леките недели,
 сине, нямам пак покой –
 как ли във затвора твой
 гледали са нощи бели,
 как и мен сега нощта
 с поглед ястребов оглежда,
 кръст висок за теб отрежда
 и говори за смъртта.

1939

VII Присъда

И затисна каменното слово
 още толкоз живата ми гръд.
 Нищо. Аз отдавна бях готова.
 Ще се справя този път.

Днес ме чака работа позната:
 паметта докрай да излича
 и да сторя каменна душата,
 и да се науча да мълча.

Иначе... А лятото се носи
 като празник, литнал покрай мен.
 Аз предчувствах тъй отдавна този
 светъл ден и дом опустошен.

1939. Лятото
(Фонтанен дом)

VIII Към смъртта

Ще дойдеш, все едно – защо пък не сега?
 Очаквам те и ми е трудно.
 Аз угасих свещта и мисля без тъга
 за теб – тъй простичка и чудна.

Прими для этого какой угодно вид,
 Ворвись отравленным снарядом
 Иль с гирькой подкрадись, как опытный бандит,
 Иль отрави тифозным чадом.
 Иль сказочкой, придуманной тобой
 И всем до тошноты знакомой, –
 Чтоб я увидела верх шапки голубой
 И бледного от страха управдома.
 Мне все равно теперь. Клубится Енисей,
 Звезда Полярная сияет.
 И синий блеск возлюбленных очей
 Последний ужас застигает.

*19 августа 1939 г.
 Фонтанный Дом*

IX

Уже безумие крылом
 Души накрыло половину,
 И поит огненным вином,
 И манит в черную долину.

И поняла я, что ему
 Должна я уступить победу,
 Прислушиваясь к своему
 Уже как бы чужому бреду.

И не позволит ничего
 Оно мне унести с собою
 (Как ни упрашивай его
 И как ни докучай мольбою):

Ни сына страшные глаза –
 Окаменелое страданье,
 Ни день, когда пришла гроза,
 Ни час тюремного свиданья,

Ни милую прохладу рук,
 Ни лип взволнованные тени,
 Ни отдаленный легкий звук –
 Слова последних утешений.

*4 мая 1940 г.
 Фонтанный Дом*

Ти се яви пред мен в какъвто искаш вид,
 бъди жесток куршум оловен
 или се престори на опитен бандит,
 или на тиф със дъх отровен.
 Или пък съчини лъжа завчас
 и както често става напоследък –
 върха на шапката да зърна аз,
 и домначалника, ужасно бледен.
 Днес ми е все едно. Там Енисей личи,
 Полярната звезда сияе.
 И в блясъка на сините очи
 последният кошмар витае.

19 август 1939
(Фонтанен дом)

IX

Безумието със криле
 душата скри наполовина
 и в черна долина зове,
 и ме пои с пламтящо вино.

И аз разбрах, че в този миг
 победата му е велика,
 заслушана във своя вик
 тъй, сякаш някой друг извика.

И няма то да разреши
 да вземе с мене нищо важно
 (то вместо мене ще реши,
 за всичко друго – ще откаже):

ни погледа на моя син –
 тъй гледат вкаменени хора,
 нито деня неутешим,
 ни свиждането във затвора.

Ни дланите със хлад стаен,
 ни липовата сянка крехка,
 ни оня звук отдалечен –
 слова на сетната утеха.

4 май 1940

X Распятие

*Не рыдай Мене, Мати,
во гробе зрящи.*

1

Хор ангелов великий час восславил,
И небеса расплавились в огне.
Отцу сказал: «Почто Меня оставил!»
А Матери: «О, не рыдай Мене...»
1938

2

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.
1940
Фонтанный Дом

ЭПИЛОГ

1

Узнала я, как опадают лица,
Как из-под век выглядывает страх,
Как клинописи жесткие страницы
Страдание выводит на щеках,
Как локоны из пепельных и черных
Серебряными делаются вдруг,
Улыбка вянет на губах покорных,
И в сухоньком смешке дрожит испуг.
И я молюсь не о себе одной,
А обо всех, кто там стоял со мною
И в лютый холод, и в июльский зной
Под красною ослепшею стеною.

Х Разпятие

*Не ридай Мене, Мати,
во гробе суцу.⁵*

1

Хор ангелски часа велик възслави,
и сводът в огън беше разтопен.
Баща му чу: „Защо ме изостави?“
А майка му: „О, не плачи за мен!“

2

Магдалина плачеше, зовеше;
Ученикът блед встрани се спря.
А където Майката стоеше,
никой да погледне не пося.

ЕПИЛОГ

1

Видях лица как ставаха безоки,
как гледаше под клепките им страх
и как изписва страници жестоки
страданието върху тях – видях
как къдрите от пепелни и черни
във сребърни превръщаха се в миг

и в устните – покорни и неверни,
усмивка суха как сподавя вик.
Дано молитвата ми чуе Той –
за всички моля, дето с мене бяха
и в люти студове, и в юлски зной,
до тухления зид безок стояха.

⁵ В българското издание думата „зрящи“ е заменена със „суцу“, което е повод за следната редакторска бележка: „Неточен цитат от църковно песнопение – кондак: „Не ридай Мене, Мати, зрящи во гробе.“ Тази редакторска бележка, поместена в българското издание, е озадачаваща, тъй като в руския оригинал цитатът е точен. Вероятно обаче става въпрос за ползвано руско издание, където цитатът е бил сгрешен. – Б. ред.

2

Опять поминальный приблизился час.
Я вижу, я слышу, я чувствую вас:

И ту, что едва до окна довели,
И ту, что родимой не топчет земли,

И ту, что красивой тряхнув головой,
Сказала: «Сюда прихожу, как домой».

Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.

Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов.

О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде,

И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомильонный народ,

Пусть так же они поминают меня
В канун моего поминального дня.

А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,

Согласье на это даю торжество,
Но только с условием – не ставить его

Ни около моря, где я родилась:
Последняя с морем разорвана связь,

Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,

А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов.

2

И пак наближи упокойният час.
Аз виждам, аз чувам, усещам ви аз:

и тази, която е морна от път,
и тази, която е вече отвъд,

и гордата, дето е страшно сама,
но казва: „Тук идвам като у дома.“

По име бих викала ден подир ден,
но техния списък отнеха от мен.

За тях аз покрова широк изтъках
от бедните думи, дочути от тях.

Те с мен са, духът ми щом в нощите бди,
за тях не забравям и в нови беди,

и мойте уста щом затиснат от страх,
че сто милиона днес викат чрез тях –

тогава и те да си спомнят за мен,
когато настъпи за помена ден.

А някога, ако случайно сгрешат
и паметник мой да издигнат решат,

съгласие лично аз давам, добре,
но нека не е при самото море,

макар че родена съм някога там:
последната връзка прекъсна се, знам;

ни в Царския парк при заветния пълн,
където пак сенки ме търсят насън,

а тук, триста часа където стоях,
но твоето скъпо лице не видях.

Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забуть гроыхание черных марусь,

Забуть, как постылая хлопала дверь
И выла старуха, как раненый зверь.

И пусть с неподвижных и бронзовых век
Как слезы, струится подтаявший снег,

И голубь тюремный пусть гулит вдали,
И тихо идут по Неве корабли.

*Около 10 марта 1940 г.
Фонтанный Дом*

Амедео Модилиани, *Ахматова*, 1911

Че трябва да помня дори и в смъртта
как хлопаше тази безумна врата,

старицата виеше в нощите зли,
свистяха кръстосващи нощни коли.

И нека по бронза, със лик като мен,
се стича на сълзи снегът разтопен,

и гълъби нека кълват синева,
и кораби тихо вървят по Нева.

Март, 1940

Превод: **Валентина Радинска**

ВАЛЕНТИНА РАДИНСКА (1951) е българска писателка, журналистка и преводачка. Завършила е Литературния институт „Максим Горки“ в Москва. Била е редактор в различни периодични издания. Превежда поезия от руски: Александър С. Пушкин, Марина Цветаева, Белла Ахмадулина, Юна Мориц и др. Носителка е на различни литературни награди, включително и за превод на поезия и за авторско творчество.

REKVIJEM

Ne, ne pod tuđim nebeskim svodom,
ni pod zaštitom tuđih krila,
ja sam bila sa svojim narodom
tad kad je s njim nesreća bila.

1961.

UMJESTO PREDGOVORA

U strašnim godinama ježovštine provela sam sedamnaest mjeseci u redovima pred lenjingradskim tamnicama. Nekako me jedanput netko “prepoznao”. Žena modrih usana, koja je stajala iza mene i koja, naravno, nikada nije čula moje ime, prenula se iz svima nam svojstvene skamenjenosti i upitala me na uho (ondje smo sve govorile šaptom):

– A ovo – možete li opisati?

I ja sam rekla:

– Mogu.

Tada nešto poput osmijeha kliznu po tome što je nekada bilo njeno lice.

1. travnja 1957.

Lenjingrad

REKVIEM

Mne obloha cizí nechránila,
 Cizí kraj mě v křídlech neukryl,
 já po celou dobu jsem tam žila,
 kde můj národ naneštěstí byl.⁶
 1961

MÍSTO PŘEDMLUVY

V letech Ježovovy hrůzovlády strávila jsem sedmnáct měsíců ve frontách před věznicí. Jednou mě někdo “identifikoval”. Tehdy za mnou stála žena s promodralými rty, která samozřejmě nikdy dřív mé jméno neslyšela, probrala se ze strnulosti, jež nás všechny ovládala, a zeptala se mě šeptem (tam se jinak než šeptem nemluvalo):

„Můžete to všechno vylíčit?“

A já jsem řekla:

„Mohu.“

A tenkrát přeletělo něco jako úsměv po tom, co kdysi bývalo její tvář.

*Leningrad,
 1. dubna 1957*

⁶ В чешкото издание, където е публикуван преводът на Хана Върбова, тези стихове са поместени след текста, озаглавен *Místo předmluvy (Вместо предговор)*. Друга разлика в оформлението е отпадането на номерацията на отделните стихотворения. – Б. ред.

POSVETA

Ova žalost već grmi gorama
 i velika rijeka gubi tok,
 al' zatvorska brava se ne slama,
 a pored nje "robijaška jama",
 i groza od bola samrtnog.
 Za nekoga svježi vjetar vije,
 za nekog se zlati zalazak –
 mi, sve iste, ne znamo što krije
 škrgutanje ključa najmrskije
 i vojnički korak pretežak.
 K'o na misu, rano smo kretale
 po toj prijestolnici podivljaloj,
 kao zagrobne se sjene sretale,
 sunce nisko, Nevom magle pale,
 ipak nade u daljini poj.
 Presuda... I odmah suze kanu,
 odsječena od svih u čas taj,
 bolno život iz srca istrgnu
 i nauznak sruše uz silinu,
 ali ide...Sama... Posrtaj...
 Gdje su prijateljice nevine
 mojih dvaju ljeta mahnitih?
 što im bure sibirske pričine,
 što priviđaju od mjesečine?
 Njima šaljem ovaj pozdrav tih.

UVOD

Bilo je to kada se smiješio
 samo mrtvac, smirenosti rad.
 K'o privjesak neki je stršio
 kraj tamnica svojih Lenjingrad.
 Kad su išle, patnjom iznurene,
 osuđenih gomile kroz mrak,
 željezničke pjevale sirene
 kratku pjesmu za dug rastanak.

VĚNOVÁNÍ

Nad tím hořem pukají i hory,
 řeky nad ním zůstávají stát,
 dveře věznic jsou však na závory
 a za nimi „galejnické nory“
 a smrtného stesku krutý chlad.
 Pro někoho svěží vítr vane,
 červánek si lehá do mraků,
 my z toho nic dávno nevnímáme,
 jen chřestění klíčů nasloucháme,
 jen těžkému kroku vojáků.
 Vstávaly jsme časně jako na mši
 a zděšeným městem spěchaly
 než mrtvoly mrtvější a plašší
 tam, kde Něva slunce v mlhách zháší
 a naděje zpívá vpovzdáli.
 Rozsudek... Proud slz vytryskne prudce,
 ode všech ji rázem dělí val,
 jak když hoře z hrudi rve jí srdce,
 jako když jí smýkly hrubé ruce.
 Vrávorá... Je sama... Jde však dál...
 Kde jste vy, co dva roky jste byly
 sestrami mých nepřítelů dnů?
 O čem vichr nad Sibiří kvílí,
 co jste z kruhu luny vyvěstily?
 Posílám vám pozdrav poslední.

Březen 1940

PROLOG

Tenkrát úsměv měl jen mrtvý v líci,
 že je mrtvý ze srdce byl rád,
 tenkrát jen přívěskem na věznici
 zbytečným byl celý Leningrad.
 Tenkrát, když zoufalstvím zešilelí
 v houfech šli trestanci zmučení,
 jen sirény lokomotiv zněly
 v teskně krátké písni loučení.

Zvijezde smrti stajahu nad nama,
nevina je Rusija ranjena
pod okrvavljenim čizmama
i maricom crnom pogažena.

I

Odveden si čim se dan zasjaji,
pratila sam te kao mrtva,
jecaj djece u gornjoj odaji,
na polici svijeća zadrhtala.
Kao svetačke usne ti ledene.
smrtni znoj na čelu... Pamti! –
I ja ću, kao ustaničke žene,
pod kulom Kremlja zavijati.

II

Tiho teče tihi Don,
slazi mjesec žut u dom.

U šeširu nakrivljenu,
žuti mjesec prati sjenu.

Ova žena boluje,
ova žena samuje,
mrtav muž, robija sin,
molite se za me vi.

III

Ne, ovo nisam ja, ovo netko drugi stradava.
Ja tako ne bih mogla, a to što se zbilo,
neka crna sukna pokriju,
i neka odnesu fenjeri...
Noć.

Hvězdy smrti stály na obloze.
 Nevinná a ustrašená Rus
 vozila se v policejním voze
 zkrvavená těžkou botou hrůz.

Odvedli tě brzy na úsvitě,
 jak za rakví šla jsem, v hrdle ston,
 v úzké sínce nařkalo dítě,
 dohořela svíčka u ikon.
 Svatý obrázek k rtům přitištěný
 a smrtelný pot na čele tvém...
 Tak tě budu vidět a jak ženy
 střelců vzlykat u kremelských stěn.

*Moskva,
 podzim 1935*

Don se noří do ticha,
 k Donu měsíc pospíchá,

na stranu má čepici,
 stín potkává v světnici.

Ta žena je nemocná,
 osamělá, bezmocná –

muž v hrobě, syn v temnici.
 Pane, odpusť hříšníci.

Ne, to ne já, to kdosi jiný trpí,
 já bych tak nemohla... Všechno to, co se stalo,
 ať do černého sukna zahalí
 a lucerny ať odnesou pryč...
 Noc.

IV

Da ti je vidjeti, rugalice,
 ljubimice drugova svih,
 carskoselska vesela grešnice,
 što ti se sve na život svi, –
 kao tristota, s paketima,
 pod Križem ćeš čekati red
 i svojim ćeš suzama vrelima
 topiti novogodišnji led.
 Kraj zatvora se topola klati,
 i ni zvuka – a koliko ih
 ondje nedužnim životom plati...

V

Sedamnaest mjeseci krika,
 vrati mi se samoj.
 Padah pod noge krvnika,
 sin si i užas moj.
 Sve se zamrsilo zauvijek,
 nikako da saznam
 tko je sad zvijer, a tko čovjek,
 i kada će kazna.
 I samo prašni cvjetovi,
 zvon kađenja, tragovi
 nekud u nikuda.
 I pravo u oči bulji,
 prijeti skorom pogibli
 ogromna zvijezda.

Měl ti tenkrát u Carského Sela,
 když jsi ještě samý vtíp a žert
 bezstarostně s druhý dováděla,
 někdo říct, jak budeš za pár let
U křížů stát na vězeňském dvoře
 třístá v řadě stejně zoufalých
 s uzlíčkem a horkou slzou hoře
 propalovat novoroční snůh.
 Co zmučených, utrýzněných očí
 zná vězeňský topol za branou.
 Co nevinných životů tam končí.

1938

Sedmnáctý měsíc plný běd,
 synu můj předražený,
 muko má, tě volám domů zpět
 a klečím před vrahy.
 Nevím, co je pravda a co klam,
 kdo člověk a kdo sup,
 nevím, kdy tvůj ortel čekat mám,
 kde je líc a kde rub.
 Zvon, kadidlo, konec naděje,
 zaprášené květy, šlépěje
 z prázdnoty do prázdnot.
 Jen obrovská hvězda pobledlá,
 strašná hvězda smrti pohlédla
 v oči mé přes temný horizont.

1939

VI

Lagani tjedni prolijeću,
 što bi? razum nema moć
 Kako te, usred tamnice,
 motrila, sine, bijela noć,
 kako te promatra opet
 jastrebljim okom što gori,
 kako si visoko raspet,
 i o smrti govori.

VII**Presuda**

I odlomila se riječ kamena
 na još žive moje grudi.
 Ništa, ja sam na to bila spremna,
 nekako ću se potruditi.

Danas velik rad predstoji meni;
 treba sjećanje do kraja ubiti,
 treba dušu svoju okameniti,
 treba novo življenje učiti, –

Ako ne... Vreloga ljeta šuštanje,
 pod prozorom mojim kao praznik.
 A ja nosim davno predosjećanje
 na taj svijetli dan i dom prazni.

VIII**Smrti**

Doći ćeš svejedno – zašto ne odmah?
 Ja čekam te – meni je mučno.
 Zagasih svjetlo, otvorih vrata u taj mah
 tebi, prekrasnoj i običnoj.

Letí, letí lehké týdny,
 co se stalo, nechápu.
 Bílých nocí přívít klidný
 zářil na tvou útrapu.
 Každou noc žhne v temné mříži
 jestřábí zrak bodavý
 a vypráví o tvém kříži
 a o smrti vypráví.

Jaro 1939

Rozsudek

A dopadlo slovo jako skála
 na mé srdce ještě živoucí.
 Já ten konec dávno předvídala,
 nepočítám s ničí pomocí.

Vím, že bude mnoho času třeba,
 mnoho síly, mnoho zapření,
 než svou paměť pohřbím, žal se vstřebá,
 duše zkamení a já se s ní

naučím žít... Venku nebe sálá,
 trávy šumí letním neklidem –
 a já přece dávno předvídala
 tento prázdný dům a světlý den.

*Dům Fontán,
léto 1939*

Smrti

Když stejně přijdeš, tak proč ne hned nyní?
 Těžko mi je, slituj se nade mnou.
 Zhasla jsem, dveře otevřela v síni,
 čekám tě – prostou, krásnou, tajemnou.

Zato si kakav god hoćeš oblik daj,
 granate otrovne, čim usnem,
 ili se kao iskusan bandit prikradaj,
 ili otruj kao more tifusne.
 Ili pričice smišljene, al' ih čak
 do tančina već svatko pozna, –
 da bih vidjela plave kape krajičak
 i domara blijedog od straha grozna.
 Sad mi je svejedno. Jenisejev lom,
 zvijezda se polarna ne gasi.
 I modar sjaj u oku voljenom
 skrivaju posljednji užasi.

IX

Već je bezumlje krilima
 pokrilo duše polovinu,
 i opija žarkim vinima,
 i mami u crnu dolinu.

I shvaćam da sam to ja
 dužnu pobjedu ustupila
 osluškujući svoja
 kao neka tuđa bunila.

I ništa ne dozvoljava
 da sobom ponese sama
 (ne vrijedi se umiljavat
 i dosađivati molbama):

ni sina mog strašne oči –
 skamenjenog stradanja moru,
 ni dan kad nas jad zaskoči,
 ni čas viđenja u zatvoru,

ni milu hladnoću ruke,
 ni sjenu lipa uzbuđene,
 ni daleke lake zvuke –
 posljednjih riječi utješnje.

Vyber si jednu z nepřeborných podob,
 měj sochor v ruce jako bandita,
 otrav mě, zastřel nebo tyfem porob,
 přijď do horečných výšin zavítá.
 V pohádce vypít záhubu mou dej mi,
 v té, kterou známe všichni nazpaměť,
 ať vidím přes modř čapky policejní
 tvář domovníka bílou jako zeď.
 Vše je mi jedno. Z mlhy Jeniseje
 polární hvězda svítí do noci
 a v tmě konejší hrůzu beznaděje
 jas modrých očí, milý, horoucí.

*Dům Fontán,
 19. srpna 1939*

Šílenství černou perutí
 půl duše už mi obestřelo,
 oheň mě vypít přinutí,
 v údolí stínů svrhne tělo.

Z horečky mluvím do rána –
 a zdá se mi, že jiný blouzní...
 Vím, není pro mě záchrana,
 vím, jeho triumf bude hrozný,

nelekne se mých protestů,
 mých modliteb se lehce zhostí,
 nedovolí mi na cestu
 vzít ani kousek minulosti,

tvář syna s mrtvým pohledem,
 ani mé hoře zkamenělé,
 ani ten bouřný soudný den,
 hodinu rozloučení v cele,

stisk rukou chladnějších než led,
 stín lípy na zdi roztančený,
 skomírající echo vět,
 mír posledního utěšení.

4. května 1940

X Raspeće

*Ne oplakuj Me, Majko,
u grobu jesam.*

1

Zbor anđela veliki čas slavio,
nebesa istopiše vatre rujne.
Ocu reče: “Zašto si Me ostavio!”
a Majci: “O, ne oplakuj Me...”

2

Magdalena se tukla, ridala,
učenik drag se skamenio,
a tamo gdje je Majka stajala
šutke, nitko gledat nije smio.

EPILOG

1

Ja spoznah kako opadaju lica,
i kako ispod vjeđa izviruje
strah, kako klinopis oštrih stranica
po obrazima patnja ispisuje,
kako i kosa pepeljasta i tamna
odjednom postane srebrno-bijelom,
i smiješak vene na smjernim usnama,
i drhti strah u smiješku uvelom.
I molim ne samo za sebe jednu,
već sve te što stajahu kraj mene
na žezi srpnja, u zimu lednu,
kraj crvene zidine oslijepljene.

Ukřižování

*Neplač, matko, pro mne
v hrobě ležícího.*

1

Nebesa vzplála brunátná a žhnoucí,
andělské kůry pěly z plných plic.
„Proč opustils mne, bože?“ řekl otci
a matce řekl: „Neplač pro mne víc.“

2

V pláči si rvala vlasy Magdalena,
učedník v kámen proměněný zbled,
jen tam, kde stála matka hořem němá,
se neodvážil nikdo pohledět.

EPILOG

1

Poznala jsem, jak tváře propadají,
jak velké hoře, velká muka žen
se v klínopise ostrých vrásek tají,
jak v stínu vrásek strach je příkrčen,
jak vlasy plavé, smolně černé, krásné
se proměňují náhle v stříbrné,
jak na rtech každé pousmání hasne,
jak vyschlý smích úlekem zatrne.
Nejenom na mou duši obolenou
se modlím. Všechny spasit chtěla bych,
co pod osleplou rudou stěnou se mnou
snášely mráz i žár dnů srpnových.

2

Opet se približi spominjanja čas.
Ja vidim, ja čujem, ja osjećam vas:

I onu, oknu odguranu onda,
i onu što rodnom zemljom ne hoda,

I onu što lijepom glavom tresući
reče mi: “Dolazim amo kao kući”.

A htjela bih sve poimence zvati,
oteše popis, nemam gdje doznati.

Široki pokrov otkala sam njima
od bijednih riječi, od njih načutima.

Uvijek i svuda u svakoj su misli,
ni novim jadom nisu ih potisli,

Ako mi usta izmučena stisnu,
kojima stomilijunski narod vrisnu,

neka se tako one mene sjete
pred obljetnicu moje smrti svete.

A ako nekad u ovome kraju
spomenik meni dignut pomišljaju.

suglasnost dajem na ove proslave,
samo pod uvjetom da ga ne postave

ni pored mora gdje sam se rodila:
posljednja veza s morem se slomila,

ni u Carskom vrtu kraj panja zavjetna
gdje neutješna traži me sjena sjetna.

Već ovdje gdje odstajah tristo sati,
gdje mi ne htjedoše reze otvarati.

2

Světím svátky mrtvých jako každý rok.
Zas vás všechny vidím, slyším zas váš krok.

Vidím tu, co k oknu sotva dovlekli,
vidím tu, co dávno v černém hrobě tlí,

i tu mladou, krásnou, která s úžasem
řekla, že už chodí jako domů sem.

Každou z nich bych zvala jménem nejradši,
seznam mi však vzali – paměť nestačí.

Z jejich slov a nářků tkám své rekviem
jako pokrov, kterým rakev přikryjem,

na ně vzpomínám si, ať jsou kdekoli,
pro ně v neštěstí mě srdce zabolí –

a kdyby snad někdo zardousil můj zpěv,
v němž sto miliónů vykřičelo hněv,

je prosím, než paměť čas jim zakalí,
ať zádušní svíčku za mě zapálí.

A jestli se jednou v této zemi lid
rozhodne můj pomník někde postavit,

já tu velkou poctu přijmu v pokoře,
jenom prosím, aby nestál u moře

na břehu mých dětských her i soužení
– s mořem už si nejsme dávno souzeni –

ani v carském parku za tím rozcestím,
kde mě dodnes hledá osamělý stín.

Postavte mi pomník za zdí u cely,
kde jsme tři sta hodin čekat musely,

Strepim da neću sred smrti blažene
pamtiti crnih marica sirene,

i kako mrska vrata su škripala,
ko ranjena zvijer starica ridala.

I neka s brončanih vjeđa skamenjenih
sipaju suze pahulja istopljenih.

Izdaleka nek tamnički golubovi
guču dok tiho po Nevi brod plovi.

ožujak 1940.

Prijevod na hrvatski jezik **Fikret Cacan**

ФИКРЕТ ЦАЦАН (Fikret Cacan, 1958) е хърватски поет и преводач на руска поезия. Завършва няколко специалности във Философския факултет на Университета в Загреб – сравнително литературознание, философия и русистика. Освен поезията на Анна Ахматова в негов превод излизат произведения на Александър С. Пушкин, Йосиф Бродски, Осип Манделщам, Николай Заболоцки и мн. др., а за сборното издание със стихотворения и есета на О. Манделщам получава през 1989 г. наградата на Съюза на хърватските преводачи на литература за най-добър превод на поезия.

abych slyšela i v hluchém záhrobí,
jak tmou policejní klakson zatroubí,

jak odporně skřípe brána zavřená,
jak zvířecky křičí chorá stařena.

Ať mi ještě z mrtvých očí bronzových
jak veliké slzy kane zvlhlý snůh,

ať vrkají v soudním dvoře holubi
a na Něvě šátek mává z paluby.

*Dům Fontán,
březen 1940*

Přeložila do češtiny **Hana Vrbová**

ХАНА ВЪРБОВА (Hana Vrbová, 1929 – 1995) е чешка писателка и преводачка предимно на руска и украинска поезия, но превежда също от немски, английски и словашки. От руските писатели освен Ахматова превежда в самостоятелни книжни издания още Александър С. Пушкин, Михаил Ю. Лермонтов, Константин Д. Балмонт, Александър Р. Беляев, Михаил А. Булатов, Марина Цветаева и др. Заедно с известната чешка езиковедка Марие Кръчмова адаптира на съвременен чешки език средновековното историографско съчинение, известно като *Далимилова хроника*. Авторското ѝ творчество е в областта на поезията, прозата и детско-юношеската литература.